

Радостев Сергей Владимирович

студент 2 курса заочной формы обучения,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, г. Пермь

**СООТНОШЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ И ВЗЫСКАНИЯ
КОМПЕНСАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СВЕТЕ ПРАКТИКИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

***Аннотация.** Анализируется соотношение возмещения убытков и взыскания компенсации как способов защиты исключительных прав в свете постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2016 г. N 28-П, от 13 февраля 2018 г. N 8-П, от 24 июля 2020 г. N 40-П и от 14 декабря 2023 г. N 57-П. Раскрывается эволюция подхода высшей судебной инстанции к пониманию альтернативности названных мер защиты. Прослеживается процесс постепенного размывания альтернативной природы компенсации и усиления требования соразмерности санкции реальному имущественному вреду правообладателя.*

***Ключевые слова:** исключительные права; компенсация; возмещение убытков; альтернативные способы защиты; Конституционный Суд Российской Федерации; снижение компенсации; интеллектуальная собственность; статутные убытки.*

***Abstract.** The correlation between compensation for damages and recovery of statutory damages as means of protecting exclusive rights is analyzed in light of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2016 N 28-P, February 13, 2018 N 8-P, July 24, 2020 N 40-P and December 14, 2023 N 57-P. The evolution of the highest judicial authority's approach to understanding the*

alternative nature of the said means of protection is revealed. The process of gradual erosion of the alternative nature of statutory damages and the strengthening of the requirement of proportionality of the sanction to the actual property harm to the right holder is traced.

Keywords: *exclusive rights; statutory damages; compensation for damages; alternative means of protection; Constitutional Court of the Russian Federation; reduction of statutory damages; intellectual property; statutory damages.*

Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации опирается на разветвленный арсенал гражданско-правовых средств, среди которых самостоятельное положение занимает институт компенсации, предусмотренный пунктом 3 статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный институт изначально сконструирован законодателем как способ защиты, альтернативный возмещению убытков, что прямо следует из формулировки «вправе требовать вместо возмещения убытков выплаты компенсации». Идея альтернативности рассматриваемых мер защиты базируется на признании трудностей доказывания убытков от нарушений исключительных прав, обусловленных нематериальной природой охраняемых результатов и проблемами расчета неполученных доходов правообладателя [18, с. 216]. Между тем практика последних лет, прежде всего практика Конституционного Суда Российской Федерации, обнаружила существенное усложнение названной альтернативности, вплоть до постепенного размывания самой ее основы.

В отечественной доктрине единого мнения о правовой природе компенсации за нарушение исключительных прав не сложилось. Одни исследователи трактуют компенсацию как разновидность возмещения убытков, поскольку она по своему предназначению связана с имущественными потерями правообладателя и присуждается «вместо» убытков [8, с. 204]. Другие исходят из самостоятельного характера компенсации как меры *sui generis*, сочетающей

восстановительную и штрафную функции [17, с. 45]. Третий подход признает двойственность природы компенсации, акцентируя внимание на ее одновременной направленности и на восстановление имущественной сферы потерпевшего, и на удержание потенциальных нарушителей от противоправного поведения [20, с. 102]. Сохраняется и обоснованная позиция, согласно которой компенсация выступает мерой деликтной ответственности, размер которой не вовсе оторван от убытков, но напрямую с ними не совпадает и подчиняется собственным правилам исчисления [3, с. 36].

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 13 декабря 2016 г. N 28-П, разрешая запрос Арбитражного суда Алтайского края, охарактеризовал компенсацию как меру, имеющую «штрафной» характер. Данный вывод был подвергнут критике в литературе, в частности, аргументировано указывалось, что освобождение правообладателя от доказывания размера убытков само по себе не превращает компенсацию в штрафную санкцию, а свойство штрафности обоснованно может быть отнесено лишь к тем видам компенсации, размер которых установлен в твердой сумме и подлежит уплате независимо от наличия имущественных потерь [4, с. 22]. Иной взгляд исходит из того, что компенсация по сути представляет собой штрафную санкцию за неправомерное поведение нарушителя, направленную на восстановление положения правообладателя, хотя и допускающую снижение с учетом обстоятельств конкретного дела [5, с. 89]. Доктринальная неопределенность по данному вопросу сохраняется, что напрямую влияет на единообразие применения статьи 1252 ГК РФ судами и порождает потребность в дальнейшем уточнении сущности рассматриваемого института [2, с. 144].

Дискуссия о природе компенсации тесно переплетена с вопросом ее соотношения с возмещением убытков. В литературе отмечается, что компенсация и возмещение убытков объединены общей целевой направленностью – обеспечить имущественное удовлетворение правообладателя

при нарушении исключительного права. Различие сводится к процессуальным условиям применения: правообладатель, выбравший компенсацию, освобождается от доказывания размера имущественных потерь, что существенно облегчает реализацию права на защиту [6, с. 178]. При этом сам выбор между двумя способами защиты остается за правообладателем, а одновременное предъявление требований о возмещении убытков и о выплате компенсации не допускается, что прямо вытекает из принципа альтернативности, закрепленного в пункте 3 статьи 1252 ГК РФ и развитого в пункте 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. N 10.

Преимущества компенсации перед возмещением убытков очевидны. Доказывание убытков, причиненных нарушением исключительного права, представляет значительную сложность – требуется обосновать факт нарушения, размер реального ущерба и упущенной выгоды, а также причинно-следственную связь между нарушением и потерями [14, с. 329]. Применительно к нематериальным объектам, оборот которых нередко осуществляется в условиях информационной асимметрии, точное исчисление убытков зачастую объективно недостижимо. Компенсация, для взыскания которой достаточно установить лишь факт правонарушения, призвана преодолеть указанный «доказательственный тупик» [12, с. 5]. Именно в этой функции компенсация выступает реальной альтернативой возмещению убытков, обеспечивая правообладателю эффективный механизм защиты в ситуациях, когда классический иск об убытках был бы обречен на отказ из-за невозможности математически точного расчета.

Постановление Конституционного Суда от 13 декабря 2016 г. N 28-П положило начало принципиальной корректировке подхода к взысканию компенсации. Высшая судебная инстанция указала, что положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ не соответствуют Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют суду снизить общий размер компенсации ниже установленного

законом минимального предела при одновременном нарушении одним действием прав на несколько объектов индивидуальным предпринимателем. При этом снижение допускается при одновременном наличии триады условий – размер компенсации многократно превышает доказанные убытки, нарушение совершено впервые, использование объектов чужой интеллектуальной собственности не являлось существенной частью предпринимательской деятельности нарушителя и не носило грубый характер [10, с. 108]. Тем самым в систему защиты исключительных прав был внедрен механизм судебной коррекции санкции, выходящий за рамки буквального толкования статутных пределов.

Распространение названной правовой позиции на ситуации, выходящие за пределы исходного состава дела, оказалось предметом отдельной дискуссии. Часть авторов поддерживает расширительное применение позиции 28-П, аргументируя это необходимостью обеспечения баланса интересов сторон и защиты предпринимателей от диспропорциональной ответственности [7, с. 194]. Другая часть указывает, что расширение оснований снижения компенсации ниже минимального предела фактически обесценивает экономическую защиту исключительного права и поощряет нарушителей, поскольку ответственность становится менее предсказуемой и менее тяжелой по сравнению с лицензионными платежами за правомерное использование объекта [22, с. 117]. Сама практика снижения, по мнению ряда исследователей, должна оставаться исключением, поскольку широкое ее применение подрывает компенсационную и превентивную функции института и не обеспечивает реального восстановления имущественной сферы потерпевшего [21, с. 160].

Постановление от 13 февраля 2018 г. N 8-П, разрешившее дело о параллельном импорте по жалобе ООО «ПАГ», закрепило общий принцип соразмерности гражданско-правовой санкции реальному имущественному вреду применительно к ввозу оригинальных товаров, введенных в гражданский оборот

правообладателем за рубежом. Прямое отношение к снижению ниже минимума названное постановление не имело, однако оно отразило конституционно-правовой принцип, согласно которому меры защиты исключительного права не должны влечь существенно более тяжелые имущественные последствия, чем те, которые соразмерны фактическому вреду [15, с. 255]. Этот принцип впоследствии стал общим знаменателем для всех решений Конституционного Суда по вопросам компенсации и распространился на оценку как твердой суммы компенсации, так и расчетных ее вариантов.

Постановление от 24 июля 2020 г. N 40-П распространило логику снижения на компенсацию, исчисляемую в двукратном размере стоимости контрафактного товара по подпункту 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ. Триада условий из 28-П была применена к случаю нарушения прав на один товарный знак. Принципиально важной стала характеристика, данная Судом подобной формуле расчета компенсации, – Конституционный Суд прямо признал, что данная конструкция «по сути, перестала быть альтернативной» возмещению убытков, поскольку привязка к двукратной стоимости товара отрывает санкцию от реального вреда и превращает ее в самостоятельную имущественную меру [1, с. 157]. Возможность снижения двукратного размера, согласно правовой позиции 40-П, открывается лишь по мотивированному ходатайству ответчика и при подтверждении совокупности обстоятельств, обосновывающих явную несоразмерность санкции последствиям нарушения [19, с. 23].

Сравнительно-правовое исследование показывает, что схожие проблемы возникают и в зарубежных правовых системах, ориентированных на статутные убытки за нарушение исключительных прав. Опыт Китайской Народной Республики, где институт компенсации за нарушение прав на товарные знаки также прошел этап постепенного расширения границ судебного усмотрения, свидетельствует о схожих закономерностях: в условиях рыночной неопределенности и сложности доказывания именно фигура суда оказывается

ключевой при определении справедливого размера санкции, причем законодатель целенаправленно расширяет инструменты карательного воздействия в отношении нарушителей, действующих в крупных масштабах [16, с. 104]. Сопоставление российского и китайского подходов обнаруживает общую тенденцию – обеспечение реальной защиты исключительных прав через гибкость судебной оценки размера санкции при одновременном сохранении ее соразмерности характеру нарушения.

Постановление от 14 декабря 2023 г. N 57-П, разрешившее запрос Суда по интеллектуальным правам, ознаменовало переход регулирования компенсации из сферы технической корректировки ее размера в сферу пресечения злоупотребления самим механизмом ее взыскания. Пункт 3 статьи 1252 и подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в части, не позволяющей суду снизить либо отказать в иске о повторной компенсации, когда с того же нарушителя за тот же товар уже была взыскана двукратная компенсация по иску иного правообладателя сходного до степени смешения товарного знака, в том числе аффилированного. Принципиальный вывод высшей судебной инстанции состоит в признании за судом полномочия учитывать аффилированность правообладателей и при злоупотреблении правом отказывать в иске. При этом за правообладателем сохраняется возможность требовать возмещения реально причиненных убытков, что прямо подтверждает параллельность двух способов защиты и условный характер их альтернативности.

Эволюция правовых позиций Конституционного Суда обнаруживает движение от строгой альтернативности компенсации и убытков к более тонкому балансу, в котором компенсация остается самостоятельным способом защиты, но ее размер все более тесно привязывается к реальному имущественному вреду. Указанная тенденция согласуется с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 23 апреля 2019 г. N 10.

Пункт 59 названного постановления четко закрепляет принцип альтернативности – одновременное взыскание убытков и компенсации не допускается, а пункт 62 формулирует широкий круг критериев определения размера компенсации, фактически воспроизводящих логику конституционно-правового подхода к соразмерности. Вместе с тем Пленум занял более формальную позицию, чем Конституционный Суд, указав, что снижение компенсации ниже низшего предела по абзацу 3 пункта 3 статьи 1252 ГК РФ применяется только по заявлению ответчика, что в ряде случаев создает практические сложности при защите интересов добросовестных нарушителей, не обладающих квалифицированной юридической помощью.

Изменения в правоприменительной практике подтверждаются эмпирическими наблюдениями. Анализ дел, рассмотренных судами по интеллектуальным правам, показывает, что доля решений, в которых размер заявленной компенсации был снижен судом, неуклонно растет начиная с 2017 года [9, с. 35]. При этом обоснование снижения нередко строится не только на триаде условий 28-П, но и на более широких началах справедливости и соразмерности, что вызывает обоснованные опасения относительно правовой определенности. Отдельные авторы указывают, что превращение снижения компенсации в общую тенденцию ставит правообладателя в более слабое положение по сравнению с нарушителем и фактически обесценивает экономическую защиту исключительного права. Иные исследователи, напротив, поддерживают расширение оснований снижения, полагая, что взыскание чрезмерных сумм компенсации с продавцов конечного звена реализации не достигает цели защиты исключительных прав и фактически становится «сбором денег с лиц, до которых проще всего дотянуться».

Современные вызовы цифровой экономики обнажают новые проблемы соотношения компенсации и убытков. Развитие маркетплейсов и иных цифровых платформ существенно усложняет доказывание объема реализации контрафакта,

причем правообладатель часто вынужден опираться на косвенные доказательства – протоколы осмотра страниц с указанием количества отзывов и продаж, экспертные оценки рекламных кампаний нарушителя, статистику просмотров. Одновременно усиливается роль вопросов о квалификации действий нарушителя – допускается ли одно нарушение, охватывающее несколько объектов интеллектуальной собственности, либо несколько самостоятельных нарушений, что прямо влияет на нижний предел совокупной компенсации. Названные особенности существенно меняют практический ландшафт защиты исключительных прав на товарные знаки и приближают компенсацию к необходимости более тонкого судебного балансирования.

Практическое применение института компенсации сегодня сталкивается с рядом сохраняющихся проблем. Среди них – отсутствие четких критериев оценки соразмерности компенсации последствиям нарушения, что предоставляет суду широкие пределы усмотрения и порождает разноречивую практику. Многие судебные акты содержат лишь общую ссылку на принципы разумности и справедливости без раскрытия конкретных факторов, повлиявших на принятое решение, причем встречается практика снижения, в которой суды фактически ориентируются на собственную интуицию, не приводя соответствующих обоснований в мотивировочной части судебного акта [13, с. 380]. Другой проблемой является неоднозначность правовой природы самой компенсации, что затрудняет применение к ней общих положений об имущественной ответственности. Так, остается открытым вопрос о соотношении компенсации с категорией вероятных имущественных потерь, предусмотренной статьей 406.1 ГК РФ, которая по своему механизму также не требует доказывания факта нарушения обязательства, но имеет иное основание возникновения.

Важное направление совершенствования регулирования компенсации связано с уточнением правил ее определения при множественности нарушений. Действующая редакция абзаца 3 пункта 3 статьи 1252 ГК РФ оставляет открытым

вопрос о применимости правила снижения к ситуациям, когда одним действием нарушены права нескольких правообладателей, что вызывает споры в правоприменительной практике. Высказываются предложения о расширении сферы применения данного правила на любые случаи однократного нарушения нескольких объектов исключительных прав независимо от их принадлежности одному или нескольким правообладателям, что способствовало бы единообразию практики и более полной реализации принципа соразмерности санкции.

Перспективным направлением дальнейшего развития института представляется усиление роли обеспечительных мер на стадии до взыскания компенсации, что позволило бы более эффективно сохранять доказательственную базу и предотвращать вывод активов нарушителем. Существующая практика обеспечительных мер в сфере защиты исключительных прав остается ограниченной и не в полной мере соответствует современным потребностям правообладателей, прежде всего в части оперативного применения арестов материальных носителей, оборудования и денежных средств нарушителя на счетах кредитных организаций [11, с. 62]. Расширение арсенала обеспечительных мер способно повысить эффективность защиты прежде всего в сфере онлайн-нарушений, где скорость пресечения нарушения имеет решающее значение.

Анализ эволюции правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации позволяет констатировать постепенное переосмысление подхода к соотношению возмещения убытков и взыскания компенсации как способов защиты исключительных прав. От первоначальной концепции жесткой альтернативности, при которой компенсация выступала самостоятельной мерой, не связанной с реальным размером причиненного вреда, российский правопорядок движется к более сбалансированной модели, в которой компенсация сохраняет автономный характер, но ее размер все более тесно

увязывается с фактическими имущественными потерями правообладателя и характеристиками поведения нарушителя. Названный подход в большей степени соответствует общим началам гражданского законодательства, обеспечивающим баланс интересов сторон, и одновременно сохраняет ключевое преимущество компенсации – освобождение правообладателя от тяжести доказывания точного размера убытков. Завершение формирования сбалансированной модели потребует дальнейшего нормативного развития, включая уточнение оснований снижения компенсации, разработку критериев соразмерности и расширение арсенала обеспечительных мер, и одновременно сохранения за судом достаточных полномочий по индивидуализации санкции применительно к обстоятельствам конкретного дела.

Список литературы

1. Белова В. И. Доказывание размера компенсации исходя из двойной стоимости товара при нарушении исключительного права на товарный знак на маркетплейсах // Интеллектуальная собственность: теория и практика : материалы докладов XXV научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 156–162.

2. Боярищева Е. В. Сущность компенсации как способа защиты исключительных прав и некоторые спорные аспекты расчета размера компенсации // Инновационная наука. 2024. N 6-1. С. 143–146.

3. Вольфсон В. Л. Требование о выплате компенсаций за нарушение исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в контексте российской модели деликтной ответственности // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022) : сборник материалов международной научно-практической конференции. Волгоград, 2022. С. 30–43.

4. Гаврилов Э. Совершенствование законодательства о компенсации за нарушение исключительного права в связи с постановлением Конституционного

Суда РФ от 13 декабря 2016 года N 28-П // Хозяйство и право. 2017. N 3 (482). С. 18–32.

5. Джалилов Э. А., Маняхина Н. С. Основания для снижения размера компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 86–89.

6. Земсков И. А., Навозенко А. В. Соотношение возмещения убытков и взыскания компенсации как способов защиты исключительных прав // Юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей V международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 177–179.

7. Злыгостева А. А. Защита исключительных прав: пробелы законодательства о размере компенсации и возможность их восполнения // Вопросы российской юстиции. 2022. N 18. С. 189–197.

8. Коломейцева В. Ю., Агibalова Е. Н. Возмещение убытков и компенсация как способы защиты нарушенных исключительных прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. N 3-1 (54). С. 203–206.

9. Краснова С. Определение размера компенсации за нарушение исключительных прав: закон и судебная практика // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. N 6. С. 29–36.

10. Мещерякова М. А. Компенсация за нарушение исключительных прав на товарный знак: особенности обоснования ее размера с позиции истца и ответчика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N 5 (236). С. 96–110.

11. Никитина К. С., Дадаян Е. В., Сторожева А. Н. Обеспечительные меры в сфере защиты исключительных прав, способы возмещения убытков и выплаты компенсации // Ростовский научный вестник. 2021. N 3. С. 61–64.

12. Новоселова Л. О механизме компенсации за нарушение исключительных прав // Хозяйство и право. 2017. N 3 (482). С. 3–17.

13. Нурмухаметова З. Р. Взыскание компенсации как способ защиты исключительных прав на средства индивидуализации – товарный знак // Инновации. Наука. Образование. 2021. N 42. С. 378–383.

14. Прищепова К. Р. Взыскание убытков и компенсации за нарушение исключительного права: о соотношении способов гражданско-правовой защиты // Шестые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сборник статей. Минск, 2024. С. 327–331.

15. Прохоров В. А. Разграничение правовых категорий «компенсация», «убытки», «вероятные имущественные потери» в спорах о защите исключительного права на товарный знак // Бизнес. Образование. Право. 2024. N 2 (67). С. 253–257.

16. Рабец А. П. Компенсация за нарушение исключительного права на товарный знак: сравнительный анализ законодательства России и КНР // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23, N 2. С. 98–112.

17. Роднова О. М. Правовая природа требования о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, N 1. С. 38–47.

18. Свиридова Е. А. Выплата компенсации за нарушения исключительного права как альтернатива возмещению убытков // Проблемы взыскания убытков в российском правовом порядке : сборник статей VI ежегодной международной научно-практической конференции. Москва, 2016. С. 216–230.

19. Смирнова Е., Шишанова А. Проблемы определения размера компенсации за нарушение исключительного права // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. N 3. С. 13–24.

20. Сятчихин А. В. Компенсация за нарушение исключительных прав: статутные или заранее оцененные убытки? // *Ex Jure*. 2019. N 3. С. 97–109.

21. Таталина А. В. Возмещение компенсации как способ защиты исключительного права на товарный знак // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2020. N 5-3 (61). С. 157–162.

22. Яковлев Н. Ю. Попирание абсолютного права: как судебное правотворчество способствовало снижению размеров компенсации за нарушение исключительного права // *Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2024) : сборник материалов международной научно-практической конференции*. Волгоград, 2024. С. 115–118.